

УДК 94(41) “7”

**ХРИСТИАНСКАЯ И ЯЗЫЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ НАРОДА АНГЛОВ»
БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО (НА ПРИМЕРЕ «ЖЕНСКОЙ ТЕМЫ»)**

© 2015 г.

Ю.М. Прогунова

Ивановский государственный университет, Иваново

j_progunova@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2015

«Церковная история» Беда Достопочтенного представляет собой не только основной источник по церковной и политической истории англосаксонских королевств до начала VIII века, но также и великолепный пример раннесредневековой исторической мысли. Культурные и исторические взгляды Беда сложились на основе синтеза христианской латинской учености и всё еще бытовавших среди современников автора языческих представлений. Данная статья является попыткой проанализировать представления Беда о женщине в контексте этого синтеза.

Ключевые слова: Беда Достопочтенный, «Церковная история народа англов», история монашества, ангиография, англосаксонская ментальность, св. Эдильфрида, св. Хильда.

«Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного является самым информативным источником по истории Англии с начала новой эры до первой трети VIII века. Важность сочинения Беда следует не только из его содержательности, но и из самого факта создания труда, являющегося плодом осознанного интеллектуального творчества в англосаксонской среде. Отличительной чертой Беда как автора «Церковной истории» была опора на самый широкий круг источников. Так, в Предисловии Беда дает перечень церковных деятелей, в устной или письменной форме предоставлявших ему сведения о событиях в Англии (с момента прибытия туда миссии св. Августина), свидетелями которых они были или о которых знали из других источников. Что касается событий более раннего времени, то, хотя Беда не уточняет, какими именно книгами он пользовался, из его собственного труда становится ясно, что ему были доступны сочинения Юлия Цезаря, Светония, Евсевия Кесарийского, Павла Орозия, Сульпиция Севера, Евтропия и Проспера Аквитанского [1, с. 238]. В зарубежной и отечественной историографии автора «Церковной истории» по праву рассматривают как творца нового христианского историописания Англии, в значительной мере опиравшегося на книжные традиции античности.

«Церковная история» начинается задолго до знакомства англосаксов с христианством – с 55 г. до н.э., момента появления в Британии войск Юлия Цезаря, который первым оставил описание Британских островов. Перечисляя события следующих пятисот лет, автор старался помес-

тить на первый план связи, соединяющие Британию с континентальным миром: он приводит историю завоеваний островов римскими императорами, связывает появление первых бриттских мучеников в Британии с гонениями на христиан в Империи и т.д. Таким образом, «История» Беда является не только церковной историей английского народа, но и фрагментом всеобщей истории, в которую включились англосаксы через приобщение к христианству. Появление и триумф христианства в Англии составляют основную тему сочинения Беда.

Согласно Беду, немалая роль в христианизации Англии принадлежала женщинам. В «Церковной истории» упоминается почти сорок женщин, имеющих разный социальный статус [2, с. 24–25]. Причем к дохристианской эпохе относятся лишь четыре из них, в то время как большая часть принадлежит непосредственно к эпохе христианизации Англии и имеет прямое отношение к распространению новой религии. Королевы, принцессы, аббатисы и монахини в сочинении Беда играют роль духовных и нравственных ориентиров как для клириков, так и для мирян. В связи с этим особое значение приобретает вопрос: на какой основе сложилось представление Беда о женщине?

Беда частично воспринял оценку женщины у раннесредневековых христианских авторов, далеко не единых в этом вопросе. В сочинениях латинских писателей II–V веков (Августин Блаженный, Григорий Великий и др.) берут корни две противоположные оценки, определявшие восприятие женщины до конца средневековья [3, р. 103–109]. С одной стороны, жен-

щина отождествлялась с Евой, праmaterью человеческого рода, совершившей первородный грех, ответ за который продолжают нести «дочери Евы». С другой стороны, к женскому полу принадлежала и Мария, образец чистоты и девственности, мать Христа, принявшего крестную смерть ради искупления человеческих грехов. Противопоставление этих двух библейских фигур имеет еще один аспект – конфликт телесного и духовного [4, с. 12]. В трудах отцов церкви «духовное» в женщине является способом достижения совершенства путем борьбы со своей природой. Именно поэтому целомудрие получает очень высокую оценку.

Беда Достопочтенный воспринял оба эти образа, что, в свою очередь, нашло отражение в «Церковной истории народа англос». Так как Беда писал церковную историю, которая, согласно его собственному предисловию, должна была носить назидательный и поучительный характер, то он стремился в первую очередь продемонстрировать положительные модели поведения. В отношении женских персонажей «Истории» это был образ монахини, «невесты Христовой» [5, р. 281], ассоциирующейся с Девой Марией.

Наиболее очевидная параллель, соответствующая данному образу, это королева Эдильфрида, супруга правителя Нортумбрии Эгфрида. В четвертой книге «Истории» сообщается, что после двенадцати лет брака «она, тем не менее, сохранила славу вечной девственности» [6, с. 132–133]. Беда, чтобы исключить сомнения в правдивости своих слов, пишет, что об истинности данной истории ему известно из достоверного источника, так как он лично осведомлялся у епископа Вилфрида, бывшего близким к королеве. В свою очередь епископ подтверждает свои слова тем, что Эгфрид обещал ему «имения и деньги, если он убедит королеву довести их брак до конца» [6, с. 132]. Казалось бы, Эдильфрида, хранящая девство в браке, достойна величайшей похвалы, но королева заботится не только о телесной чистоте, но и о духовной, поэтому единственным желанием королевы Беда называет служение Христу в стенах монастыря, чего она «с величайшим трудом добивается». Духовным отцом Эдильфриды становится уже упомянутый епископ Вилфрид [7, р. 99]. На наш взгляд, выбор монастыря для принятия послушания не случаен. Беда сообщает лишь, что «она ушла в монастырь аббатисы Эббы, тетки Эгфрида, который находится в месте под названием Колуд» [6, с. 132]. С одной стороны, выбор монастыря, которым управляла тетка ее супруга, оправдан тем, что англосаксонские аристократки нередко удалялись в обители, где

служили Богу или которыми управляли их родственницы (например, дочери короля восточных англос одна за другой удалились в галльский монастырь Бриге, где, несмотря на иноземное происхождение, стали аббатисами) [6, с. 81]. С другой стороны, Эбба была сестрой короля Освиу [1, с. 288] – святого, поклонение которому было очень распространено в Нортумбрии. Видимо, этот фактор также имел определенное значение.

Монашеская жизнь Эдильфриды гораздо подробнее описана Бедой, чем мирская. Согласно жизнеописанию королевы-монахини, приведенной в «Церковной истории», спустя год после принятия монашеского пострига от епископа Вилфрида Эдильфрида сделалась аббатисой монастыря в Эльге. При характеристике святой как настоятельницы наиболее важным для Беды является пример «небесной жизни и учения», выраженный в крайнем аскетизме. Безусловно, отказ от пищи, горячей воды, долгие ночные молитвы свидетельствуют о приверженности Эдильфриды традициям ирландского монашества, придерживающегося более строгих правил быта, но в данном случае Беда не акцентирует на этом факте внимания.

Особое внимание Беды уделено рассказу о последних днях и посмертной славе Эдильфриды, как неопровержимому доказательству ее святости. В частности, Беда обращает внимание на то, что ей было заранее известно о времени ее смерти. В «Церковной истории» говорится, что «силой пророчества она не только предсказала, что причиной ее смерти станет чума, но и открыла всем число тех сестер монастыря, кто падет жертвой той же болезни» [6, с. 132–133]. Для христианских житий вполне характерна осведомленность святого о предстоящей кончине как проявление особой милости Господа. Из египетских патериков Беда воспринял идею о болезни как средстве очищения от грехов и умножении добродетелей [8, с. 118]. Беда со слов Вилфрида сообщает, что аббатиса страдала от опухоли, образовавшейся у нее под подбородком. Данный сюжет интересен для нас в двух аспектах. Во-первых, он продолжает идею об искуплении грехов посредством физических страданий вследствие болезни. М.Р. Ненарокова, анализируя агиографические труды Беды, отмечает, что «поскольку безропотное перенесение болезни воспринималось как подвиг, герой жития, написанного Бедой, никогда не жалуется, не описывает своего физического состояния» [8, с. 121]. Так и Эдильфрида «с радостью принимала эту боль», ясно сознавая, за что она ей послана. Это составляет второй важный аспект анализируемого сюжета: аббатиса счита-

ла, что заслужила тягость этой болезни на своей шее, потому как в юности она носила на шее избыточную тяжесть ожерелий, и верила, что эта боль ниспослана Богом, чтобы освободить от грехов [6, с. 133–134]. Словами, вложенными в уста Эдильфриды, Беда осуждает языческое прошлое англосаксов, когда выход «златоукрашенной» (goldhroden [9, p. 24]) королевы в зал служил началом пиршества: хозяйка в порядке, соответствующем статусу присутствующих, обносила гостей чашей с элем. Если в языческом прошлом и тесно связанным с ним устно-эпическом творчестве золото являлось синонимом благополучия и славы, то в представлении Беды оно становится равноценным красной опухоли, мучающей аббатису. Символичность и закономерность появления опухоли у святой подтверждено и тем, что врачевание не помогает ей, но лишь на некоторое время облегчает страдания, но когда спустя шестнадцать лет тело аббатисы извлекают из гроба, заживленным оказывается даже сам шрам, оставленный лезвием во время операции [6, с. 133].

Праведная жизнь Эдильфриды – сохранение девства, следование монашескому правилу и стойкое перенесение болезней – обеспечивают ей посмертную славу. Как и большинство святых, которых упоминает Беда Достопочтенный в своей «Истории», она проявляет свою святость и после смерти, о чем свидетельствуют два эпизода.

Согласно первому из них, аббатиса Сексбурга, наследовавшая Эдильфриде, пожелала поместить тело своей предшественницы в новый каменный гроб. Посланные ею люди отправляются на поиски материала к одной из римских крепостей, у стен которой они находят готовый саркофаг из белого мрамора. В.В. Эрлихман справедливо замечает, что этот гроб, безусловно, является римским наследием [1, с. 288]. Тем не менее монахи воспринимают его как благоволение Господа, тем более что саркофаг чудесным образом оказывается необходимого размера.

При вскрытии гроба Эдильфриды ее тело находят нетленным. Это достаточно распространенный мотив у Беды, и автор всегда стремится подтвердить свои слова какими-либо авторитетными источниками: в данном случае он снова ссылается на свидетельство епископа Вилфрида и врача Кинефрида, который не только присутствовал при открытии гроба, но и ранее лично удалял опухоль с шеи аббатисы. Чтобы быть более убедительным, Беда вводит прямую речь Кинефрида, в которой тот очень обстоятельно и подробно рассказывает об открытии могилы: дает сведения о пространстве, в котором происходило действие («ее останки бы-

ли извлечены из могилы, над ними воздвигли шатер»), о том, кто присутствовал рядом с гробом в этот момент («все сообщество собралось... братья с одной стороны, сестры с другой»), о звуках, сопровождавших обретение мощей (пение монахов и монахинь, вскрик аббатисы, удивленной явленным чудом); приводит описание нетленного тела святой, а также факт демонстрации ему исчезновения последствий операции. Все это должно было убедить читателя в том, что все описанное автором – вполне реально и осязаемо, хотя и имеет божественную природу.

Чудеса, совершаемые Богом через аббатису, продолжались, по словам Беды, вплоть до его времени: благодаря льняным тканям, в которые было завернуто тело Эдильфриды, и гробу, в котором она покоилась, люди исцелялись от болезней. Очевидно, это еще один прием, используемый автором для того, чтобы у читателя не осталось сомнения в святости девы.

Особый интерес представляет гимн, сложенный Бедой Достопочтенный Эдильфриде. Сам автор называет его «гимном девственности... в честь королевы и невесты Христовой» [6, с. 134–135], сложенным в подражание песням в размере стихов, которые содержатся в Священном Писании. Автор, чтобы наиболее эффективно выразить свою мысль и достичь максимального воздействия на читателя, использует в гимне методы противопоставления и аналогии.

Беда выбирает для своего гимна достойную воспевания христианином тему – «благодать Христа», противопоставляя ее классической античной поэзии – «Энеиде» Вергилия, воспевующей «похищение Елены» и «беда Троянской осады». Отвергая традиционные мотивы античной языческой культуры, автор гимна воспевает «радостные для всех Божьи дары». Объявив цель своего сочинения, Беда Достопочтенный обращается к небесному идеалу девственности – к Деве Марии. Беда не только по традиции восхваляет ее за рождение Спасителя, наделяя такими эпитетами, как «врата Родителя мира», «мать Громовержца» (несмотря на то, что автор в первых строках гимна называет чтение античной поэзии грехом, он применяет к Богу эпитет Юпитера [1, с. 288]), «сияние чистое девства», но и связывает с основной темой своего гимна – похвалой девственности и Эдильфриде – словами «Слава ее родила сии благородные всходы / девственности цветы слава ее родила» [6, с. 134]. Затем автор обращается к хорошо известным аудитории сюжетам – мученичеству ранних христианок: Агаты, Евлаллии, Феклы, Евфимии, Цецилии, Агнессы. Интересно, что святые составляют пары: первые

две святые приняли мученическую смерть в огне, вторые – должны были пострадать от диких зверей, но львы не тронули их, и женщины были убиты палачами. Такое сопоставление должно было вызвать у читателя закономерную мысль: с кем сравнима главная героиня гимна Эдильфрида? Тем не менее Беда не стремится сразу дать ответ. Очень кратко он сообщает о достоинствах святой до прихода в монастырь: «Славой отцов была, родом и властью богата <...> Красною цвела на троне подзвездного царства» [6, с. 135]. Такая характеристика должна была представить Эдильфриду благородной и достойной похвалы миряночкой. Но Беда в следующих строках, чтобы показать подлинное смирение королевы, говорит, что, несмотря на обладание всеми добродетелями в миру, для нее единственным стремлением было служение Господу. В этот момент он возвращается к теме сопоставлений, и оказывается, что единственная, рядом с кем может стоять Эдильфрида, это сама Богоматерь, но тут же Беда задается риторическим вопросом – не является ли сама монахиня Богоматерью? [6, с. 135]. Автор оставляет ответ на усмотрение читателя и вновь обращается к добродетелям Эдильфриды, на этот раз уже в ее бытность монахиней и аббатисой. Гимн завершается описанием Эдильфриды в образе невесты Христовой: после достижения земной славы Беда пророчит ей гораздо более великие дары на небесах в союзе со своим Женихом.

Эдильфрида, безусловно, представляет один из самых ярких примеров англосаксонских подвижниц эпохи христианизации Британии, упоминаемых Бедой Достопочтенным. Хотя в «Церковной истории народа англос» немало женщин, заслуги которых перед Церковью достойны похвалы, автор сообщает о них лишь отдельные эпизоды. Наиболее полно им описана только жизнь аббатисы Эдильфриды и аббатисы Хильды (см. ниже).

Второй женский образ, воспринятый Бедой из общехристианской литературы, это образ Евы. Он гораздо слабее отображен в «Церковной истории», и чаще всего в косвенной форме. Единственное открытое упоминание Евы, как виновницы грехопадения, это уже упомянутый гимн Эдильфриде. Сравнивая последнюю с Богоматерью, Беда одновременно противопоставляет ее Еве: «Льет слезы ярости враг, соблазнивший некогда Еву; / девой теперь побежден, льет слезы ярости враг» [6, с. 135]. Смысл этих строк в необходимости показать природную слабость женской натуры, которую можно преодолеть благодаря телесной и духовной чистоте.

Другой пример скрытого отождествления женщины с Евой можно увидеть в истории от-

падения от христианства короля восточных англос Редвальда. По словам Беды, он некогда принял таинство крещения в Кенте, «но по возвращении домой он отпал от веры, соблазненный женой и дурными советниками» [6, с. 66]. Беда с сожалением относится к тем, кто все еще находится в заблуждении язычества и поклоняется идолам, но сторонники ересей и вторично обратившиеся к идолопоклонству, с его точки зрения, гораздо больше погрязли в грехе. На наш взгляд, не случайно, что к язычеству Редвальда возвращают не только «дурные советники», но и женщина. Этот эпизод должен был напомнить читателю, что библейская история и современность тесно взаимосвязаны, и как Ева привела к грехопадению Адама, так и любая женщина остается «дочерью Евы».

В отличие от книжной христианской традиции, устная героико-эпическая традиция языческих времен, на первый взгляд, отвергается Бедой [3, с. 332]. Однако, как полагают некоторые исследователи [10, с. 283], в сознании его современников были еще живы представления, связанные с традиционной языческой культурой и отраженные в героическом эпосе англосаксов. Возможно, некоторые из них автор неосознанно перенес в «Церковную историю» из устной традиции.

Так, в сочинении Беды присутствует образ жены-советчицы и жены, побуждающей мужа к благородным деяниям. Англосаксонскому устно-эпическому творчеству хорошо известны женщины-подстрекательницы: пламенное обращение Вальхтеов к богу, пославшего в ответ на ее молитвы гаутскую дружину, воодушевляет Беовульфа на клятву сразиться и победить чудовище Гренделя [11, с. 58–59]; Хильдегюд, подбадривающая возлюбленного перед битвой [12, с. 8–9]. В отличие от героинь скандинавских саг, которые нередко отправляют своих мужей или сыновей на смерть, героини англосаксонского эпоса направляют свои слова на благое разрешение конфликта. Поскольку христианство сменило ценностную ориентацию в англосаксонском обществе, то героические подвиги потеряли свою актуальность, поэтому женщины у Беды применяют силу своего убеждения в соответствии с новыми потребностями и новой этикой.

Самый яркий пример связан с уже упомянутым королем Редвальдом, правившим в Восточной Англии. Эдвин, будущий правитель Нортумбрии, находясь в изгнании, обратился к нему за помощью, которую Редвальд охотно оказал. Но вскоре Эдильфрид, правивший Нортумбрией в то время, предложил ему награду за выдачу Эдвина, в противном случае угрожая

войной. Сначала Беда сообщает о том, что король принимает предложение, «устрашенный угрозами или же соблазненный обещаниями» [6, с. 62]. Но затем в развязке сюжета, когда Эдвину сообщают, что король переменял решение, читателю становится ясно, что первоначально он согласился исходя из выгоды. Ключевая роль в переосмыслении Редвальдом своего решения принадлежит его супруге, не названной у Беда по имени. В затруднительной ситуации он, как и персонажи устно-эпического творчества древних германцев, обратился к своей супруге за помощью (например, аналогично поступает бог Один в эддической песни «Речи Вафтруднира: перед состязанием в мудрости с великаном, он просит совета у своей супруги Фригг» [13, с. 204]). Совет, который получает Редвальд, носит нравоучительный характер: королева в первую очередь заботится о чести правителя, которая «дороже всех украшений». Интересно, что в аргументации королевы Беда не использует уместных в такой ситуации элементов христианской морали, напоминаний о посмертном воздаянии и т.д. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что для современников Беда христианство еще не было единственным нравственным ориентиром, и представления о значимости чести в обществе, являвшиеся значительным элементом древнегерманской языческой культуры, были все еще распространены в англосаксонской Британии.

Для германского общества была характерна связь женщины и устного слова – ее оружия в распрах. В «Церковной истории» эта традиция перерождается в соответствии с культурными условиями эпохи. Христианство способствовало развитию учения и учености, непременным атрибутом которых была письменность. В этот период были не только созданы сочинения на латинском языке, но и записаны исконные древнеанглийские произведения устно-поэтического жанра. Женщина причастна к трансформации устного слова в книжное [10, с. 283]: аббатиса монастыря Стренескальк Хильда благодаря своей прозорливости сумела раскрыть дар неграмотного пастуха Кэдмона преобразовать ветхозаветные тексты в поэзию на родном языке.

Жизнеописание святой Эдильфриды, как и жизнеописание Хильды, – это наиболее полные повествования о жизни англосаксонских святых в «Церковной истории». Хотя оба жизнеописания имеют много общего в отношении структуры (Беда сначала сообщает о светской жизни Хильды, затем о желании служить Господу в монастыре, пребывании в должности аббатисы, смерти и связанных с ней чудесах), образы, соз-

данные автором, значительно отличаются друг от друга. Если в первом случае задачей автора было показать возможность победы женщины над слабостью своей природы, берущей начало от Евы, то во втором мы видим, что тема борьбы монахини с телесной слабостью снята, а основное внимание уделено интеллектуальной составляющей деятельности святой.

Создание Бедой образа св. Хильды интересно и потому, что эта аббатиса была сторонницей Ирландской церковной традиции и на соборе в Уитби отстаивала ее интересы. Подобная склонность объясняется тем, что Хильда была ученицей св. Айдана, ирландского миссионера и основателя монастыря на о-ве Линдисфарн. Хотя сам Беда был сторонником Римской церкви, он с уважением относится к деятельности знаменитого миссионера и аббатисы.

Беда очень скупо пишет о мирской жизни Хильды: он сообщает, что она была представительницей знатного рода, состоявшего в тесном родстве с королем Нортумбрии Эдвином. Автор символично делит ее жизнь на две равные половины: 33 года она прожила светской жизнью и еще 33 посвятила монашеству. Тем не менее Беда приводит в «Церковной истории» предание, согласно которому монашество Хильды было предопределено свыше: ее мать Брегусвида во сне обнаружила у себя под одеждой «прекраснейшее ожерелье... оно засияло светом столь ярким, что его дивное сияние осветило всю Британию. Это видение сбылось в ее дочери...» [6, с. 139–140]. Примечательно, что автор выбирает для обозначения Хильды в видении именно метафору сияющего ожерелья. При анализе описания смерти Эдильфриды Бедой мы уже отмечали, что ожерелья, которые аббатиса носила в юности, используются им как символ светской земной жизни, пережитков языческого прошлого. Тем не менее, когда автор ищет метафору для женщины, открывшей Британию способности Кэдмона, он выбирает именно этот образ, унаследованный из героико-эпической поэзии.

Для Беда Хильда в первую очередь талантливый организатор и учитель: она основала три обители, из которых, по словам Беда, вышло пять епископов Британии [14, р. 3]. Выше мы уже отмечали, что образ женщины-советницы имеет германские корни: в устно-эпическом творчестве герои нередко обращаются за советом не только к предсказательницам, но и к обычным женщинам. В «Церковной истории» особенно отмечено «благоразумие» Хильды, к которой в затруднительных ситуациях обращались и простые люди, и короли. Вероятно, традиция обращаться за советом к женщине, за-

свидетельствованная Тацитом еще у древних германцев, бытовала среди англосаксов даже во времена Беда.

Последний сюжет в жизнеописании Хильды, на наш взгляд, имеющий параллели в устно-эпическом творчестве, это раскрытие Хильдой дара поэта Кэдмона, научившегося слагать религиозные гимны на родном языке. До этого момента религиозные произведения (как прозаические, так и поэтические) создавались на латинском языке, доступном лишь образованным людям. «Чудо Кэдмона» состоит в том, что его гимны объединили библейские сюжеты, доступные раньше только в латинском изложении, с традиционной англосаксонской формой стихосложения – аллитерационным стихом. Аббатиса Хильда, к которой обратились за помощью в определении природы этого дара, вместе с собранием ученых мужей рассудила, что дар имеет божественное происхождение.

Таким образом, представления Беда Достопочтенного о женском поле имеют синкретическую основу. С одной стороны, Беда, знакомый с достижениями латинской книжности раннего средневековья, воспринял ее противоречивый взгляд на женщину. С другой стороны, в «Церковной истории», возможно, без осознанного стремления самого автора, нашли отражение пережитки традиционного германского мировоззрения, основанного на устной традиции.

Список литературы

1. Эрлихман В.В. Примечания // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос / Пер. с лат., вступит. статья, комментарии В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. 363 с.
2. Гвоздецкая Н.Ю. Женщины в «Церковной истории народа англос» Беда Достопочтенного // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Вып. 1. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. С. 24–44.
3. Bitel L. Women in Early Medieval Europe, 400–1100. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
4. Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново: Юнона, 1999. 211 с.
5. Women in Medieval Western European Culture / Ed. Linda Mitchell. New York: Garland, 1999.
6. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос / Пер. с лат., вступит. статья, комментарии В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. 363 с.
7. Ekenstein L. Woman under Monasticism. Chapters on Saint-Lore and Convent Life between A.D. 500 and A.D. 1500. New York, 1963.
8. Ненарокова М.Р. Беда Достопочтенный – ритор, агиограф, проповедник. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 272 с.
9. Beowulf // Klaeber F. Introduction and Commentary // Beowulf and the Fight at Finsburg. Boston – New York, 1928. 446 p.
10. Гвоздецкая Н.Ю. Англосаксонская история в лицах и конфликтах. Учеб. пособие. Иваново: Юнона, 2001. 303 с.
11. Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. 751 с.
12. Вальдере // Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. 330 с.
13. Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. 751 с.
14. Ranft P. Women in Western Intellectual Culture, 600–1500. New York: Palgrave, 2002.

CHRISTIAN AND PAGAN TRADITION IN THE «ECCLESIASTICAL HISTORY OF THE ENGLISH PEOPLE» BY THE VENERABLE BEDE (IN THE ASPECT OF «WOMEN STUDIES»)

Yu. M. Progunova

The «Ecclesiastical History» by the Venerable Bede is the main source for studying ecclesiastical and political history of Anglo-Saxon kingdoms till the early 8th century, but it is also an outstanding example of early medieval historical thought. Bede's cultural and historical views were based on the synthesis of Christian Latin learning and pagan tradition, which was widespread among the author's contemporaries. This article is an attempt to analyze Bede's views on women in the context of this synthesis.

Keywords: Venerable Bede, «Ecclesiastical History of the English People», history of monasticism, hagiography, Anglo-Saxon mindset, St. Æthelthryth, Hilda of Whitby.

References

1. Ehrlichman V.V. Primechaniya // Beda Dostopochtennyj. Cerkovnaya istoriya naroda anglov / Per. s lat., vstupit. stat'ya, kommentarii V.V. Ehrlichmana. SPb.: Aletejya, 2001. 363 s.
2. Gvozdeckaya N.Yu. Zhenshchiny v «Cerkovnoj istorii naroda anglov» Bedy Dostopochtennogo // Cursor Mundi. Chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya: nauchnyj al'manah, posvyashchennyj problemam istoricheskoj antropologii. Vyp. 1. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2008. S. 24–44.
3. Bitel L. Women in Early Medieval Europe, 400–1100. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
4. Ryabova T.B. Zhenshchyna v istorii zapadnoevropejskogo srednevekov'ya. Ivanovo: Yunona, 1999. 211 s.

5. Women in Medieval Western European Culture / Ed. Linda Mitchell. New York: Garland, 1999.
6. Beda Dostopochtennyj. Cerkovnaya istoriya naroda anglov / Per. s lat., vstupit. stat'ya, kommentarii V.V. Ehrlihmana. SPb.: Aletejya, 2001. 363 s.
7. Ekenstein L. Woman under Monasticism. Chapters on Saint-Lore and Convent Life between A.D. 500 and A.D. 1500. New York, 1963.
8. Nenarokova M.R. Beda Dostohtimyj – ritor, agiograf, propovednik. M.: IMLI RAN, 2003. 272 s.
9. Beowulf // Klaeber F. Introduction and Commentary // Beowulf and the Fight at Finsburg. Boston – New York, 1928. 446 p.
10. Gvozdeckaya N.Yu. Anglosaksonskaia istoriya v lichah i konfliktah. Ucheb. posobie. Ivanovo: Yunona, 2001. 303 s.
11. Beovul'f // Beovul'f. Starshaya Ehdda. Pesn' o Nibelungah. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. 751 s.
12. Val'dere // Drevneanglijskaya poehziya. M.: Nauka, 1982. 330 s.
13. Starshaya Ehdda // Beovul'f. Starshaya Ehdda. Pesn' o Nibelungah. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. 751 s.
14. Ranft P. Women in Western Intellectual Culture, 600–1500. New York: Palgrave, 2002.